

Старая пиратская песня¹

Кто готов судьбу и счастье
С бою брать своей рукой,
Выходи корсаром вольным
На простор волны морской!

Припев:

Ветер воет, море злится, —
Мы, корсары, не сдаем.
Мы — спина к спине — у мачты,
Против тысячи вдвоем!

Нож на помощь пистолету —
Славный выдался денек!
Пушка сломит их упрямство,
Путь расчистит нам клинок.

Припев:

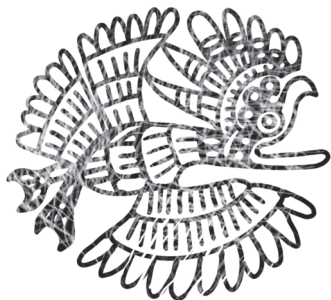
Славь, корсар, попутный ветер,
Славь добычу и вино!
Эй, матрос, проси пощады,
Капитан убит давно!

Припев:

Славь захваченное судно,
Тем, кто смел, сдалось оно.
Мы берем лишь груз и женщин,
Остальное — все на дно!

Джордж Стерлинг

¹ Перевод В. Левика.

Глава первая

В это позднее весеннее утро события развивались очень быстро в жизни Френсиса Моргана. Если когда-нибудь человеку суждено было, переместившись во времени, стать участником жестокой, кровавой драмы, а точнее — трагедии бесхитростных душ, и одновременно свидетелем средневековой мелодрамы, насыщенной сентиментальностью и бурными страстями, свойственными обитателям Латинского Нового Света, то этим человеком Судьба предназначила быть Френсису Моргану, и притом весьма скоро.

Однако сам Френсис Морган пребывал в ленивом неведении относительно того, что в мире что-то для него готовится, и едва ли был готов встретить надвигавшиеся события. Поздно засидевшись за бриджем, он поздно начинал свой день. За поздним пробуждением последовал поздний завтрак из фруктов и каши; покончив с ним, Френсис направился в библиотеку — строго, со вкусом обставленную комнату, откуда его отец в последние годы жизни руководил своими обширными и многообразными делами.

— Паркер, — обратился Френсис к камердинеру, который служил еще его отцу, — ты не замечал признаков ожирения у Р. Г. М. в последние годы его жизни?

— О нет, сэ́р, — отвечал тот со всей почтительностью хорошо вышколенного слуги, но невольно бросая беглый оценивающий взгляд на великолепную фигуру молодого человека. — Ваш батюшка, сэ́р, всегда отличался стройностью. Фигура у него никогда не менялась; он был широкоплечий, с могучей грудью, и хоть широковат в кости, но талия, сэ́р, у него была тонкая, всегда тонкая. Когда его обмыли, сэ́р, и положили на стол, многие молодые люди в нашем городе могли бы устыдиться своей фигуры. Он всегда тщательно следил за собой, сэ́р, — я имею в виду все эти упражнения, которые он делал в постели, полчаса каждое утро. Ничто не могло заставить его отступить. Он называл это своим культом.

— Да, фигура у отца была редкостная, — рассеянно произнес молодой человек, глядя на биржевой телеграф и несколько телефонных аппаратов, установленных еще его отцом.

— Совершенно верно, — убежденно подтвердил Паркер. — Ваш батюшка был строен, как аристократ, несмотря на широкую кость, могучие плечи и грудь. И вы это унаследовали, сэ́р; только вы еще лучше.

Молодой Френсис Морган, унаследовавший от своего отца не только статную фигуру, но и немало миллионов, безмятежно развалился в широком кожаном кресле и вытянул ноги — совсем как могучий лев в клетке, не знающий, куда девать свои силы. Развернув утреннюю газету, он остановился взглядом на заголовке, извещавшем о новом оползне на Кьюлебрском участке Панамского канала.

— Хорошо, что мы, Морганы, не склонны к полноте, — пожевывая, произнес он, — не то ведь я мог бы и растолстеть от такой жизни... Правда, Паркер?

Престарелый камердинер, не расслышав, смущенно посмотрел на своего хозяина.

— О да, сэ́р, — поспешно сказал он. — То есть я хочу сказать: нет, сэ́р. Вы сейчас в наилучшей форме.

— Ничего подобного, — убежденно заявил молодой человек. — Я, может, и не разжирел, но безусловно пообмяк... А, Паркер?

— Да, сэр... То есть нет, сэр, — я хотел сказать: нет, сэр. Вы все такой же, каким вернулись из колледжа, три года назад.

— И решил, что безделье — мое призвание, — рассмеялся Френсис. — Паркер!

Паркер почтительно вытянулся. Однако хозяин его уже погрузился в глубокое раздумье, словно решая проблему первостепенной важности, а рука его то и дело принималась теревить топорщившиеся усики, которые он с некоторых пор стал отращивать.

— Паркер, я намерен съездить на рыбную ловлю.

— Да, сэр.

— Я велел прислать несколько складных удочек. Пожалуйста, составь их и принеси сюда — я хочу их осмотреть. Мне думается, что уехать недельки на две куда-нибудь в лес — самое для меня полезное. Если я этого не сделаю, то, несомненно, начну толстеть и опозорю весь наш род. Ты ведь слышал про сэра Генри? Старого оригинала сэра Генри, пирата и головореза?

— Да, сэр. Я читал о нем, сэр.

Паркер уже стоял в дверях и только ждал той минуты, когда словоохотливость молодого хозяина иссякнет, чтобы отправиться по его поручению.

— Да, гордиться тут нечем — подумаешь, старый пират!

— О нет, сэр, — запротестовал Паркер. — Он ведь был губернатором на Ямайке и умер в почете.

— Счастье еще, что его не повесили, — расхохотался Френсис. — В сущности говоря, только он один и позорит наш род, который сам же основал. Но я вот что хотел сказать: я очень тщательно просмотрел все, что его касается. Он весьма заботился о своей фигуре и, слава богу, до самой смерти сохранил тонкую талию. В этом отношении он оставил нам хорошее наследство. А вот сокровища его мы, Морганы, так и не нашли; впрочем, тонкая талия, которую он нам завещал, дороже всех рубинов. Родовая черта, — говоря языком биологов, которому научили меня профессора.

Наступила долгожданная пауза, и Паркер осторожно выскользнул из комнаты, а Френсис Морган погрузился в изучение

газетной статьи о Панаме, из которой он выяснил, что канал будет открыт для судоходства, по-видимому, не раньше, чем через три недели.

Зазвонил телефон, и с помощью электрических нервов современной высокой цивилизации Судьба сделала первую попытку протянуть свои щупальца и добраться до Френсиса Моргана, который сидел в эту минуту в библиотеке особняка, выстроенного его отцом на Риверсайд-драйв.

— Но, дорогая мисс Каррузерс, — запротестовал он в трубку. — Что бы там ни было, это просто временный ажиотаж. «Тэмпико петролеум» в полном порядке. Это не спекулятивные бумаги, а вполне надежное помещение капитала. Держите их. Держите крепко... Все дело, наверно, в том, что какой-нибудь фермер из Миннесоты приехал в Нью-Йорк и решил купить пакета два акций просто потому, что они кажутся ему солидными, а так оно и есть... Ну и что тут такого, что они поднялись на два пункта? Все равно не продавайте. «Тэмпико петролеум» — это вам не лотерея и не рулетка. Это крепкое промышленное предприятие. Мне бы, например, очень хотелось, чтобы оно было не таким грандиозным, — я бы тогда мог финансировать его один... Да нет, выслушайте меня: совсем это не мыльный пузырь! Мы сейчас одних цистерн заказали больше чем на миллион долларов. Наша железная дорога и три нефтепровода стоят свыше пяти миллионов. Да одни только действующие нефтескважины дадут нам нефти на сто миллионов долларов, так что сейчас главная наша задача — доставить ее к морю на танкеры. Теперь самое время для вложения капитала. Пройдет год-другой, и государственные бумаги по сравнению с вашими акциями покажутся сущей чепухой...

...Да-да, пожалуйста. Не обращайтесь внимания на биржевой рынок. И потом — я вовсе не советовал вам приобретать эти акции. Я никогда не давал своим друзьям таких советов. Но уж раз вы приобрели эти акции, то держитесь за них. «Тэмпико» такое же солидное предприятие, как Английский банк... Да, мы с Дикки поделили вчера вечером трофеи. Подобралась велико-

лепная компания. Хотя Дикки, надо сказать, чересчур горяч для бриджа... Да, везло, как игроку на бирже... Ха-ха! Я горяч? Ха-ха!.. Да?.. Скажите Гарри, что я отбываю недели на две... Поеду форель удить... Весна, знаете ли, ручейки журчат, на деревьях сок выступил, распускаются почки, зацветают цветы и тому подобное... Да, всего наилучшего. И держитесь обеими руками за «Тэмпико петролеум». Если они немножко упадут, после того как этот миннесотский фермер кончит играть на повышение, прикупите еще. Я тоже собираюсь так сделать. Это все равно что найти деньги... Да... Да, конечно... Слишком это крепкие бумаги, чтобы вот так — ни с того ни с сего — взять и продать их: ведь они, может, никогда больше не понизятся... Ну конечно, я знаю, что говорю. Я проспал сегодня восемь часов и еще не выпил ни капли... Да, да... До свидания.

Не поднимаясь с кресла, Френсис потянул к себе ленту от соединенного с биржей аппарата и лениво пробежал ее глазами; то, что в ней сообщалось, не вызвало у него особого интереса.

Вернулся Паркер, неся несколько тоненьких удочек; каждая из них по своей полировке и отделке была верхом искусства и мастерства. Френсис мигом вскочил с кресла, отбросил в сторону телеграфную ленту, про которую тут же забыл, и, точно мальчишка, с радостью и восторгом принялся осматривать игрушки и пробовать их одну за другой: он то взмахивал удочками так, что леска со свистом, похожим на удар хлыста, разрезала воздух, то осторожно, рассчитанным движением, закидывал ее под высокий потолок, как если бы там, на другом конце комнаты, находился невидимый пруд, в котором таинственно поблескивала форель.

Зазвонил телефон. Лицо Френсиса перекошилось от раздражения.

— Ради бога, поговори ты, Паркер, — приказал он. — Если это опять какая-нибудь дура, играющая на бирже, скажи, что я умер, или пьян, или лежу в тифу, или женюсь, — словом, придумай что-нибудь пострашнее.

После непродолжительных переговоров, проведенных в спокойном, вежливом тоне, так подходившем к величественному

стилю этой холодной, чинной комнаты, Паркер произнес в трубку: «Одну минуту, сэр» — и, прикрыв ее рукой, сказал:

— Это мистер Бэском, сэр. Он просит вас.

— Скажи мистеру Бэскому, чтобы он убирался к черту, — отозвался Френсис, замахнувшись так, будто хотел невесть куда забросить удочку; и в самом деле, опиши леска кривую, начертанную его зачарованным взглядом, она вылетела бы в окно и, по всей вероятности, до смерти перепугала бы садовника, который, стоя на коленях, пересаживал розовый куст.

— Мистер Бэском говорит, что это насчет положения на бирже, сэр, и что он задержит вас не более пяти минут, — настаивал Паркер, но так деликатно и мягко, словно передавал какое-то совсем несущественное, пустяковое поручение.

— Хорошо. — Френсис осторожно прислонил удочку к столу и взял трубку. — Алло, — сказал он в аппарат. — Да, это я, Морган. Ну, ваяйте. Что там такое?

Он с минуту послушал, потом раздраженно перебил говорившего:

— Продавать? Черта с два! Ни в коем случае... Конечно, я рад это слышать. Но даже если акции поднимутся на десять пунктов — чего, конечно, не случится, — все равно держите их. Весьма возможно, что это закономерное повышение и они уже больше не упадут. Эти акции — штука солидная. Они стоят куда больше, чем котируются. Вообще этого могут и не знать, но я-то знаю. Через год они до двухсот дойдут — конечно, если в Мексике прекратятся эти вечные революции... А вот если акции упадут, вы получите от меня приказ покупать... Ерунда. Кто это хочет приобрести контрольный пакет? Да нет же, это чисто спорадическое явление... Что? Прошу прощения. Я хотел сказать: чисто временное. Так вот что: я уезжаю недели на две удить рыбу. Если акции упадут на пять пунктов — покупайте. Покупайте все, что будут предлагать. М-да, когда у человека на руках солидное предприятие и начинается игра на повышение его акций, это почти так же опасно, как игра на понижение... Да... Конечно... Да... До свидания.

Френсис с восторгом снова занялся своими удочками, а тем временем на другом конце города в кабинете Томаса Ригана уже неумоимо трудилась Судьба. Томас Риган отдал своей армии маклеров приказ скупать акции «Тэмпико петролеум», пустил через посредство многообразных каналов таинственный слухок, будто у «Тэмпико петролеум» какие-то осложнения с мексиканским правительством по поводу концессии, и погрузился в чтение отчета своего эксперта по нефти, который целых два месяца провел на месте, выясняя подлинные перспективы и возможности этой компании.

Вошел клерк, подал визитную карточку и доложил, что какой-то иностранец просит принять его. Риган взглянул на карточку.

— Передайте этому мистеру, сеньору Альваресу Торресу, — сказал он, — что я не могу его принять.

Через пять минут клерк вернулся с той же карточкой, но теперь на обратной ее стороне было что-то нацарапано карандашом. Риган так и расплылся в улыбке, прочитав:

«Дорогой и многоуважаемый мистер Риган. Имею честь сообщить Вам, сэр, что мне известно местонахождение клада, который, еще в бытность свою пиратом, спрятал сэр Генри Морган.

Альварес Торрес».

Риган покачал головой; клерк был уже у двери, когда хозяин вдруг окликнул его:

— Пусть войдет, немедленно.

Оставшись один, Риган беззвучно рассмеялся, обмозговывая пришедшую ему в голову идею.

— Молокосос! Щенок! — бурчал он сквозь облако дыма, раскуривая сигару. — Воображает себя львом, точно он сам старик Р. Г. М. Хорошая порка — вот что ему нужно, и старый стреляный воробей Риган уж позаботится об этом.

Английский язык сеньора Альвареса Торреса был столь же безукоризнен, как и его модный весенний костюм; и хотя смуглая кожа выдавала его латиноамериканское происхождение, а блеск черных глаз достаточно красноречиво говорил о том, что в этом человеке течет давняя смесь испанской и индейской крови, — он казался настолько типичным ньюйоркцем, что Томас Риган большего и желать бы не мог.

— После многих лет упорного труда и поисков, — начал Торрес, — я, наконец, догадался, где спрятан клад сэра Генри Моргана. Я уверен, что он зарыт на Москитовом Берегу. Скажу точнее: до него не больше тысячи миль от лагуны Чирикви, а ближайший к нему город, судя по всему, — Бокас-дель-Торо. Я там родился, хотя образование получил в Париже; знаю местность как свои пять пальцев. Для такой экспедиции достаточно было бы маленькой шхуны. Ведь снарядить ее недорого обойдется, совсем недорого, зато какая будет прибыль: в награду целое сокровище.

Сеньор Торрес умолк: ему не хватало слов, чтобы выразиться определеннее, но Томас Риган, крутой и жесткий человек, привыкший иметь дело с людьми такого же склада, как и он сам, начал вытягивать из него сведения, точно адвокат, ведущий перекрестный допрос.

— Да, — тотчас признался сеньор Торрес, — в настоящее время я несколько стеснен... как бы это сказать?.. — в средствах.

— Вам нужны деньги, — грубо уточнил биржевик, и тот с горестным видом поклонился.

И еще многое другое вынужден был признать Альварес Торрес под беглым огнем допроса. Да, он лишь недавно покинул Бокас-дель-Торо и надеется, что никогда больше туда не вернется. Тем не менее он готов вернуться, если они придут сейчас к какому-то соглашению...

Но Риган остановил его властным жестом человека, привыкшего повелевать простыми смертными, он взял чековую книжку и выписал чек на имя Альвареса Торреса. Когда тот

взглянул на бумажку, то увидел, что там проставлена сумма в тысячу долларов.

— Так вот к чему сводится моя идея, — сказал Риган. — Я лично ничуть не верю вашим рассказам. Но у меня есть один юный друг. Я очень люблю этого мальчика, и меня огорчает, что его слишком затягивают соблазны большого города — Бродвей с его красотками и тому подобное, — ну вы понимаете.

Сеньор Альварес Торрес поклонился, как светский человек, разговаривающий со светским человеком.

— Так вот, ради его здоровья, а также спасения не только его души, но и состояния, самое лучшее, что можно было бы придумать, — это путешествие за сокровищем, полное приключений, требующее физического напряжения, и... словом, я убежден, что вы меня понимаете.

Альварес Торрес снова поклонился.

— Вам нужны деньги, — продолжал Риган. — Постарайтесь заинтересовать его. Эта тысяча вам за труды. Заинтересуйте его так, чтобы он отправился разыскивать золото старика Моргана, — и еще две тысячи ваши. Если сумеете заинтересовать его настолько, что он пробудет в отлучке три месяца, — я добавлю вам еще две тысячи; а если полгода — то пять тысяч. Можете мне поверить: я хорошо знал его отца, мы с ним были товарищами, компаньонами, я... я могу даже сказать: почти братьями. Я готов пожертвовать любой суммой, чтобы наставить сына моего друга на правильный путь и сделать из него человека. Что вы на это скажете? Для начала вот вам тысяча. Идет?

Сеньор Альварес Торрес дрожащими пальцами свертывал и развертывал чек.

— Я... я согласен, — с запинкой произнес Торрес и даже начал заикаться от волнения. — Я... я... как бы это сказать?.. я весь в вашем распоряжении.

За пять минут Торресу были даны все инструкции относительно той роли, которую ему предстояло играть, а его рассказ о кладе Моргана был несколько видоизменен, для большей правдоподобности, хитрым, практичным биржевиком; после